

Вырвавшись из берегов, ослепительно засверкала река. И в памяти вдруг всплыли картины беззаботного детства. Защемило сердце. Виктор не удержался и, свернув с трассы, направил джип к воде. Заглушил мотор. Вышел. Вдохнул полной грудью – приятно закружилась голова. Запах родных мест! Он совсем не тот, что в чужих краях. Не сравнится и с заграничным. Там он деловой, пропитан суетой, а здесь – умиротворяющий, со сладким привкусом.

А река осталась прежней. Течёт, мелодично играя с прибрежной галькой, и не обращает внимания на Виктора. Стало немного обидно. Скинув туфли, засучил брюки и, осторожно ступая, забрёл в воду. Почувствовалась приятная прохлада. Неожиданно ощутил, как кто-то щекочет ноги. Присмотревшись, увидел стайку мальков. Они, изгибая серенькие спинки, слегка покусывали ноги. Всё так же, как в детстве. Виктор задумался: «Как там друзья? Колька Первушин? Не с ним ли пропадали днями напролёт на реке?»

Кольку долго искать не пришлось. Сразу указали на украшенный резьбой дом. Такие дома бывают разве что в сказках, а тут быть...

Друг детства был на улице. Что-то строгал рубанком. Его Виктор узнал сразу. Такой же тощий с длинными, как плеть, руками.

Увидев притормозивший джип, Колька отложил рубанок. – Ну, здравствуй, Никола, – вышел из джипа Витька.

Колька медлил с ответом, не признал друга детства. Да и где его вспомнишь, если Витька за эти двадцать лет растолстел и полысел? Вот и нос превратился в курносую пипку. И седина не пощадила, усыпав пеплом остатки волос.

– Не узнаёшь? – выждав, улыбнулся Витька.

– Голос вроде как знаком, а вспомнить не могу, – признался Колька.

– Эх ты, да это ж я, Витька Харлов.

– Да неужто! – хлопнув по ногам, присел Колька. – А я смотрю: голос знаком, а лицо нет. Ну и ну, – и друзья крепко обнялись. – Пойдем в дом. А то на улице негоже стоять. Ксюша, сбегай за бабушкой! – обратился он к девочке лет пяти с огромным бантом на голове.

Та стремглав бросилась к соседнему дому.

– Смотрю, ты уже дедом стал, – с нотками зависти произнёс Витька.

– Дважды дед. Эта младшая, – кивнул он в сторону убегающей девочке. – Ну, что мы остановились?

– Подожди. Я «Змеиногорской» взял. Давно хотелось вспомнить её вкус. На серебряной воде настояна. Нигде такой нет.

– А я, Витёк, не пью, – виновато потупил взор Колька.

– Ты же поддавал! Причём, крепче других...

– Бросил, – вздохнул Колька. – Вышел как-то на улицу, смотрю, а дети за столом с рюмками сидят и нас копируют. Кто вроде как пьяный шатается и падает, а кто бормочет и мычит, пуская слюни... А тут внуки появились. Какой же я пример?

– Пиво-то хоть пьёшь?

– Иногда. После бани.

– Так давай затопим. Давно не парился.

– В городскую разве не ходишь?

– Там не так. Дух не тот. Тюрьму чем-то напоминает.

Колька удивлённо вскинул брови.

– Не подумай, что я... Сын у меня... Впрочем, что там говорить... – махнув рукой, отвернулся Витька.

– Ты давай, того, пакет сюда. Верка придёт, ужин сварганит.

А мы пока баньку протопим, – засуетился Колька...

После бани сели за стол.

– А я думал, ты совсем забыл, где родился, – запивая пивом жареный картофель, сказал Колька.

– Не получалось приехать. А тут случай подвернулся. Ну, будь здоров, – в очередной раз, чокнувшись стопкой о стеклянную кружку, Витька выпил и закусил малосольным огурцом.

Колька поинтересовался:

– Денег что ли не было?

– Времени. Сам знаешь – бизнес. Его и на минуту оставить нельзя.

– Как же тогда жить?

– Хочешь сладко пить и есть, забудь обо всём.

– Да-а-а. Я-то думал, денег много, отдыхай себе, где хочешь, как хочешь и сколько хочешь, – задумался Колька. – Так ты с отдыхом к нам или как?

– Завтра в путь. Я в Змеиногорске был. Шлак по берегам Змеевки решили переработать. В нём голимая медь и серебро, да и золото осталось. Сам знаешь, в те времена только золото интересовало. Остальное – в отвал. И грех было не завернуть туда, где вырос. Тянуть стало. Сильно тянуть.

– Так взял бы и переехал.

– Не могу, дела.

– Дела – они как сажа бела. Сам же говорил, денег у тебя не на одну твою жизнь хватит.

– Что верно, то верно. Но ты пойми: как друзья, как окружение? В деревню я могу приехать только отдыхать. Но чтобы остаток жизни в окружении свиней.

– Я же живу...

– Эх, Коля, Коля. Как же ты не можешь понять, что я теперь другого уровня человек.

– Разве люди по уровням делятся? Я-то думал, человек остаётся человеком всегда, где бы он ни был.

– Вот возьмём, например, бомжей. Ты хотел бы жить среди них?

– Ну, ты и хватил!

– Так вот и мой уровень. Круг общения или как там это называют? Эгрегор. – Видно было, что Виктор пытается поразить друга детства особыми знаниями. – Точно, эгрегор. Так вот, он совсем иной, чем у вас простых людей. Взять хотя бы того же бомжа. Хочет он вырваться из своего круга, а не может. А почему? Да потому что этот эгрегор тянет его назад. Ты, например, видел, чтобы кто-нибудь из них вернулся назад?

– Не припомню.

– А взять какую-нибудь секту. Стоит человеку в неё попасть, назад из неё не вырваться. А чего, казалось бы, проще... Так и я, Колян, под колпаком этого эгрегора сижу и ничего с собой поделывать не могу.

– Придумают же – эгрегор какой-то.

– Разве ты не знаешь? – деланно удивился Виктор. – Эгрегор – это энергетическое полевое образование объединённой группы людей. Поле нам невидимо, но оно плотно нас окружает. Бывает религиозный эгрегор, который плотно держит верующих вместе и не даёт отколоться кому-либо. Бывает общественный, коллективный, государственный... Вот ты бы хотел иметь много денег?

– Да кто же не хочет?

– И кто тебе мешает?

– Да вроде никто. Но, как ни стараюсь, ничего не получается.

– Вот-вот. Ты никак не можешь выйти из своего окружения. А почему? Да потому, что эгрегор ваш простолюдный тебя

не отпускает. Стоит тебе сделать шаг, как толпа на тебя гурьбой... – подавшись вперёд. Фу, голова что-то закружилась. Пойдём, выйдем. Свежего воздуха глотнуть хочется.

Вышли на улицу. Солнце давно скрылось за горизонтом, но сумерки ещё не сгустились, во дворе отчётливо просматривались цветы и деревья. Витька подошёл к забору. Увидев сквозь штакетник куст полыни, потянулся, сорвал соцветье и, поднеся к лицу, втянул воздух.

– Господи, как пахнет! – прикрыл он глаза.

– Чё её нюхать? Полынь она и есть полынь. Горечью воняет. От неё даже блохи дохнут.

– Нет, ты вдохни! – протянул он Кольке соцветье.

– Мне что, цветов не хватает, чтобы я полынь нюхал? – отстранился Колька

– Боже мой, какой аромат! – продолжал Витька. – Я, кажется, тысячу лет его не нюхал. Только асфальт да автомобильную копоть. А тут! Я всегда почему-то вспоминал запах полыни. Особенно когда она цветёт. В детстве бежишь, бывало, по траве, а полынь жёлтой пылью на штаны отметины ставит. Потом чистишь, чистишь... А помнишь, как мы босиком в старый колхозный сад за ранетками бегали? Там скошено, стерня торчит. Наступишь, а она в подошву вкалывается. Тогда бегом – и не чувствуешь уколов.

– Да когда это было?!

– А как со Школьной горы на лыжах... Упадёшь – и кувирком, а снег за пазуху... Какое счастье было! А теперь? Денег куча, а счастья нет...

– Не знаю я никакого эгрегора. А на твоём бы месте бросил бы всё и переехал бы сюда жить.

– Да пойми ты, как я могу бросить, если я на дело всю свою жизнь положил! Если это стало моим смыслом жизни! Вот взять хотя бы старца Амвросия. Приходила к нему одна жен-

щина и всё про индюшек да про индюшек. Старец терпеливо объяснял ей, как ухаживать за ними и чем их кормить, чтобы они не болели. Возмутились монахи и к старцу: «Зачем ты ей про индеек объясняешь, а не к вере приучаешь?» А тот в ответ: «Так индюшки – смысл всей её жизни. Не будет смысла, как же ей тогда дальше жить?» Так, Коля, и со мной... Что я буду делать? Что? – выжидающе уставился Витька на друга. Тот молчал. – А впрочем, – отбросил в сторону полынь, – пойдём спать, а то рано вставать, – качнулся он. Николай попытался поддержать под руку. – Не надо, – отмахнулся тот и, пошатываясь, направился в дом...

Завтракать Виктор не стал. Умылся и сразу вышел в палисадник. Колька выпил стакан молока и поспешил за ним. Виктор, кажется, не замечал его. Стоял и о чём-то думал.

– Может, ты останешься на денёк. А то вдруг милиция или ещё что там? А ты с похмела, – попытался заговорить Колька.

– Да нет, мне пора. Ну, давай друг, прощай. Когда ещё свидимся? – отрешённо сказал Виктор и обнял Кольку. Спешно сел в джип, но отъехав метров двадцать, остановился, выскочил и направился к Кольке. Они опять крепко обнялись. – Не в деньгах, Коля, счастье, не в деньгах, – с горечью проговорил Витька. – Вот и сын мой в них запутался. И что из того, что у меня деньги, а у тебя нет? Зато у тебя внуки, а у меня пшик. Так что не в деньгах, Коля, счастье, а в самом человеке. И нигде счастья искать не надо. Оно внутри башки нашей. Жаль, что поздно я это понял. Эх, полынь горькая, – нагнувшись, сорвал он соцветие, сунул во внутренний карман куртки и быстрым шагом направился к машине. Ещё раз остановился, посмотрел на Николая, вроде как хотел что-то сказать, но, махнув рукой, сел и рванул автомобиль напрямую, не разбирая ни кочек, ни ухабов...